

Язык художественной литературы

Синтаксис В. К. Тредиаковского в аспекте некоторых тенденций развития русского литературного языка и поэтического слога

Наталья Викторовна Патроева, Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск), nvpatr@list.ru

DOI: 10.31857/S0131611725010064

Аннотация: Целью исследования является выявление важнейших синтаксических особенностей на материале оригинальных поэтических произведений малых и средних жанров в художественной системе В. К. Тредиаковского.

Результаты работы свидетельствуют о высокой активности бессоюзных предложений в грамматике его поэзии в сравнении с теми же показателями у Кантемира и Ломоносова, а также об особом тяготении к использованию приемов сегментации и субъективной модаляции фразы в виде обособленных оборотов, вводных и вставных синтагм, присоединительных конструкций, именительного темы, риторических восклицаний, вопросов и обращений, односоставных структур. В. К. Тредиаковский — создатель самого пространного (объемом 156 слов) лирического высказывания эпохи от Кантемира до Карамзина.

Выявленные особенности свидетельствуют о том, что поиски Тредиаковского в области «грамматики поэзии» не только соответствовали магистральным направлениям развития русского лирического синтаксиса в целом, но даже опережали общепоэтические тенденции. В. К. Тредиаковский-лирик выступает смелым новатором и экспериментатором,

роль которого в поисках языка для только начавших формироваться в России жанровых форм лирики, к сожалению, до сих пор остается недооцененной.

Ключевые слова: поэтический синтаксис, реформы русского литературного языка, риторический вопрос, риторическое восклицание, обращение, сегментация высказывания, стихосложение и грамматика

для цитирования: Патроева Н. В. Синтаксис В. К. Тредиаковского в аспекте некоторых тенденций развития русского литературного языка и поэтического слога // Русская речь. 2025. № 1. С. 83–97. DOI: 10.31857/S0131611725010064.

The Language of Fiction

V. K. Trediakovsky's Syntax in the Aspect of Some Trends in the Development of Russian Literary Language and Poetic Language

Natalia V. Patroeva, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia), nvpatr@list.ru

ABSTRACT: The aim of the study is to identify the most important syntactic features on the material of original poetic works of small and medium genres in the artistic system of V.K. Trediakovsky.

The results of the work testify to the high activity of non-union sentences in the grammar of his poetry, in comparison with the same indicators in Kantemir's and Lomonosov's works, as well as to the special inclination to use the techniques of segmentation and subjective modalisation of the phrase in the form of isolated turns, introductory and insertive syntagms, joining constructions, nominative subject, rhetorical exclamations, questions, vocatives and single-joint structures. V. K. Trediakovsky is the creator

of the longest lyrical statement (156 words) of the era from Kantemir to Karamzin.

The identified features demonstrate that Trediakovsky's searches in the field of 'grammar of poetry' not only corresponded to the main directions of development of Russian lyric syntax in general, but even outstripped the general poetic tendencies. V. K. Trediakovsky is a bold innovator and experimenter, whose role in the search for new language of lyric genre forms that had just begun to emerge in Russia, unfortunately, is still underestimated.

KEYWORDS: poetic syntax, reforms of the Russian literary language, rhetorical question, rhetorical exclamation, address, segmentation of utterance, versification and grammar

FOR CITATION: Patroeva N. V. V. K. Trediakovsky's Syntax in the Aspect of Some Trends in the Development of Russian Literary Language and Poetic Language. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 1. Pp. 83–97.
DOI: 10.31857/S0131611725010064.

Сей муж был великого разума, многого учения,
обширного знания, и беспримерного трудолюбия...

(Н.А. Новиков [Новиков 1772: 18])

Тредьяковский был, конечно, почтенный
и порядочный человек. Его филологические
и грамматические изыскания очень
замечательны...

(А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург
[Пушкин 1990: 274–275])

Π

анегирик, духовная ода и героическая трагедия оказались ведущими жанрами русского классицизма, поэтому в сфере литературной речи XVIII столетия неизбежно происходила концентрация книжных черт, реставрация церковнославянских традиций, отчетливо проявляющаяся даже в произведениях, провозглашавших ориентацию на сближение письменной и разговорной стихий, на узус¹ («употребление»), а не на

¹ Б. А. Успенский считает этот термин, введенный в употребление В. Адодуровым и В. Тредиаковским параллельно, семантической калькой с французского usage, используемого в программе классициста XVII в. и создателя французского академического словаря Клода Фавра де Вожла, см.: [Успенский 1985: 132].

захфиксированные в грамматиках и риториках предшествующего периода каноны. Взаимодействие и объединение старославянского и русского языков в некий «славенороссийский» конгломерат характеризует как словарный состав, так и грамматическую систему российской поэзии середины — второй половины XVIII столетия (примером реализации подобного синтеза может служить «Тилемахида», в которой «соседствуют... дательный самостоятельный и деепричастные обороты и т. п.» [Винокур 1959: 126]). В. К. Тредиаковский, за полвека до Н. М. Карамзина призывавший писать простым, разговорным слогом, избегая тяжеловесных конструкций, «темных» славянизмов и латинизмов, ориентировался на легкие французские фразы, при этом довольно широко в своих одах и переложениях псалмов пользуется грамматическими архаизмами, например вокативами, устаревающими формами причастий и деепричастий: *Осмотрь, снисшед, злой род...* (142)²; *Будь пользуяй пишт, когда увещевавть...* (355). «Украшающей» слог «высоких жанров» архаизации, несомненно, способствовала и «связь теоретических основ классицизма с традициями античных риторик... Открывались неограниченные возможности для возрождения юго-западной риторики, для латинизации синтаксиса, для культивирования длинных периодов с искусственной, запутанной расстановкой слов» [Ковтунова 1969: 129].

Традиционно проблема происхождения и формирования русского литературного языка решается исследователями прежде всего как проблема лексикологическая, «проблема словаря» [Живов 1996: 6], соотношения в нем церковнославянских и собственно русских элементов. Однако отличия между книжно-литературными традициями связывались в языковом сознании грамматистов — нормализаторов и мастеров слова, скорее, с морфологическими и синтаксическими параметрами (см., напр.: [Винокур 1959: 126]). Синтаксическая система русского литературного языка, с одной стороны, вызывала живой интерес реформаторов XVIII в., с другой — именно описание синтаксического строя занимало весьма скромное место в отечественных грамматических сочинениях вплоть до появления трудов представителей логической школы середины XIX в. Но научные и школьные грамматики, а также риторики XVIII столетия фиксировали, как правило, уже прошлое состояние синтаксической системы, характеризовали конструкции, свойственные исключительно книжной речи, иногда навязывая устаревшие нормы, оставляя без внимания разговорные формы и построения, явления, заимствованные из других языков, синтаксические новшества, вводимые представителями

² Здесь и далее страницы в скобках за поэтическим текстом указываются по изданию: [Тредиаковский 1963].

актуальных литературных течений. Главными реформаторами языка выступали поэты, в связи с чем анализ речевой практики эпохи языковых реформ (пусть и не всегда формулируемая автором программа совпадала с реальной его художественно-языковой практикой) оказывается гораздо более красноречивым свидетельством постепенного складывания новых грамматических норм, синтаксических сдвигов и перемен, нежели рекомендации грамматических и риторических сочинений.

Одним из реформаторов литературного языка и основателей русской школы стихотворства, оказавшим неоспоримое влияние на российскую словесность последующего периода, по праву считают писателя, профессора, переводчика Василия Тредиаковского. Сосредоточимся далее на поэтическом синтаксисе «трудолюбивого филолога» В. К. Тредиаковского: многие детали творческой биографии одного из главных поэтов-экспериментаторов XVIII столетия, «возможно, наиболее самостоятельного и оригинального русского литератора XVIII века» [Бухаркин 2013: 62], к сожалению, во многом еще не прояснены, особенно в отношении связи его грамматических и стилистических устремлений с предшествующей и современной ему традицией.

В трактате 1735 г. «Новый и краткий способ к сложению стихов с определением до сего надлежащих званий» и его расширенном, дополненном варианте 1752 г.) Тредиаковский не только узаконивает силлабо-тонический тип российского стихотворства, устанавливает строгую жанровую классификацию русской поэзии, подчеркивая тесное взаимодействие темы, формы, стиля и метрики, но и разрабатывает систему акцентно-фонетических, рифмо-метрических и ритмо-мелодических ограничений, а также «вольностей», допускаемых при версификации. Не касаясь в своем теоретическом сочинении прямо вопросов о том, что уже в XX веке Роман Якобсон назовет «грамматикой поэзии», Тредиаковский все же косвенно регулирует и эту область, коль скоро речь идет о постановке или избегании некоторых ударений, преодолении монотонности стиха и неблагозвучия, соответствии смыслового и метрического членения строк.

В общей структурной типологии предложений, используемых В. Тредиаковским в оригинальных стихотворениях (переводы в рассмотрение не включались, за исключением нескольких примеров переложений псалмов — «од духовных»³), соотношение простых и сложных конструкций —

³ В 828 предложениях из 44 выбранных для анализа составителями [Патроева (ред.) 2017] стихотворений Кантемира, вошедших в [Кантемир 1956]; в 593 предложениях из 34 выбранных для анализа составителями [Патроева (ред.) 2017] стихотворений Тредиаковского, вошедших в [Тредиаковский 1963]; в 2194 предложениях из 118 выбранных для анализа составителями [Патроева (ред.) 2019] стихотворений Ломоносова, вошедших в [Ломоносов 1959].

35% к 65%, что вполне соответствует данным показателям у Ломоносова, но довольно значительно отличается от синтаксических особенностей произведений Антиоха Кантемира (см. данные в таблице 1, а также подробнее в работе [Патроева (ред.) 2019: 50]), с его характеризующимися очень сложным устройством пространными силлабическими построениями в жанре сатиры. Отличия касаются и типов синтаксической связи, предпочитаемых Тредиаковским при организации сложных структур: так, почти в два раза у Тредиаковского, в сравнении с кантемировским сатирическим дискурсом, меньше сложноподчиненных предложений, а пятую часть всех конструкций составляют более характерные для разговорной речи бессоюзные сложные конструкции (округленно 13%, 22%, 17% соответственно составляют бессоюзные дву- и многочастные предложения у Кантемира, Тредиаковского и Ломоносова). Тредиаковский, известный своей эмоциональностью в области построения поэтической фразы, чаще склонялся к сочинению (рядоположенности) и параллелизму элементов текста⁴.

Соотношение (см. [Патроева (ред.) 2019: 50]) сложных предложений из трех и более частей с разными типами связи в стихотворениях Кантемира, Тредиаковского и Ломоносова — 42%, 27% и 24%. Случай соподчинения или последовательного введения нескольких придаточных частей у Тредиаковского гораздо более редки:

*Aх! невозможно сердцу пробыть без печали,
Хоть уж и глаза мои плакать перестали:
Ибо сердечна друга не могу забыти,
Без которого всегда принужден я быти.* (92)

Различные значения обусловленности, помимо сложноподчиненных предложений, у Тредиаковского (кстати, в соответствии со старославянской и древнерусской традицией нанизывания предложений) часто выражаются бессоюзными: *Храни, мы благодушны; Вели, се мы послушны* (182). Согласимся с Л. А. Булаховским, отмечавшим по поводу романтического стиля, что «отсутствие или бедность союзов и союзных слов в литературном языке на фоне развитой системы союзов, когда употребление их сознательно сокращается или заменяется ... специально культтивируемыми приемами тонирования, является чертою стиля утонченного,

⁴ По наблюдениям историков русского синтаксиса, придаточные со значением обусловленности практически не были свойственны языку панегирика, в отличие от «убеждающего» жанра «слова» или эпистолярий еще XVI–XVII вв. [Акимова 2006: 142–151]. Оды, элегии, песни Тредиаковского, любовная и пейзажная его лирика наследовали эту панегирическую и описательную традицию древне- и старорусской письменности.

обработанного в сторону разговорной легкости и изящества.., когда роль логических скреп берут на себя не моменты специфически интеллектуальные (союзы), а эмоционально-интеллектуальные (ритмомелодические признаки)», придает тексту «некоторый налет своеобразной интимности и специальную сжатость, предполагающую со стороны читающего способность схватывать мысли быстрее, связывать звенья их по даваемым интонацией намекам, а не по прямо указанным союзами логическим отношениям» [Булаховский 1954: 278]. Подобная стилистическая установка Тредиаковского, как позднее сентименталистов и романтиков, соответствовала прогрессивным тенденциям в построении сложного предложения в лирическом дискурсе.

История русского поэтического синтаксиса демонстрирует нарастание активности односоставных предложений (см.: [Григорьев (ред.) 1990: 19]; [Красильникова (отв. ред.) 2005: 291]), что в целом отражает и происходившие в системе грамматики русского языка древней, старшей и новой поры процессы — см. [Борковский (ред.) 1978: 187–304]). На фоне старшего современника Антиоха Кантемира (о синтаксисе А. Д. Кантемира см., например, в работе [Патроева 2021]) Василий Тредиаковский уже гораздо более активно использует такие разновидности односоставных построений, как инфинитивные, безличные, номинативные предложения:

Ну! что ж мне ныне делать? коли уж так стало? (92)

*Красное место! Драгой берег Сенски!
Где быть не смеет манер деревенски...* (76)

Стихотворные опыты В. К. Тредиаковского (особенно элегия и оды) наполнены яркой эмоциональной мелодикой предложений с ирреальной модальностью (оптативными, побудительными), а также вопросительными и восклицательными фразами:

*Да здравствует днесь императрикс Анна
На престол седша увенчанна, —
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!* (55)
*Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?* (60)

Один из излюбленных приемов Тредиаковского — цепочки риторических эмоционально-оценочных обращений:

*Со стенанием в слезах Вселенная ныне:
О матери Отчества Российска!
О императрица! о дева!*

О европска честь и азийска!
О Петрова чистый плод древа!
...Но, о сердец наших всех пламень!
О Элисавета Петровна! ...
Чад российских о матьеръ высока! (139)

Экспрессивность и диалогичность поэзии Тредиаковского усиливают активные в его лирическом дискурсе контексты с прямой речью, например: «...Кто когда во искусстве? кто лучший в науке?..» (57).

В грамматике как раннего, так и позднего Тредиаковского находят применение постепенно устаревающие синтаксические явления: обращение в форме вокатива (Увы, мой *Петре!*.. Увы, *цвете и свете!*.. (57)), архаичные формы глаголов и причастий (*Есь* еще на всяку нощь Ложе плачем *умываяй* И слезами *напояяй*, Отчужден всего и тощ (184)), «дательный самостоятельный» (*Тебе живущей*, всё здесь цветет, *Тебе хранящей*, всё радуется, *Тебе бдящей*, всё поспешает, *Тебе велящей*, всё слушает... (126)), однородность главного и «второстепенного» (деепричастного) сказуемого (*То с волками смотрит* псовы драки, *То медведя оними травя* (194). «Темнота» текста, затрудняющая его восприятие читателем, создается «беспорядком» словорасположения членов и частей конструкций, нередко придающим фразе «рыхлый» спонтанный характер: Днесъ тыя Божески дары, князю, зри вся, а благие свет души видя в оной, смертну тую быти Не речеши⁵, и счастьем богам ся сравнити Не устыдишься (63); Иной кинулся спешно тебе усертати, Другой начал пастися пред тебе с дарами, Третий какими б, думал, почтить тя словами... (127).

Согласно проведенному Г. Н. Акимовой на материале научной прозы сопоставительному исследованию «синтаксических портретов» Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова, выявляется отчетливое тяготение именно «трудолюбивого филолога» к использованию причастных и деепричастных обособленных оборотов [Акимова 2012: 247]. Нанизывание предикативных частей и вторично-предикативных синтагм усиливает

⁵ Конструкция *смертну тую быти не речеши* носит характер синтаксического заимствования: при глаголах речи и мысли используется инфинитив (или инфинитивно-именное сочетание) вместо ожидаемого придаточного изъяснительного. По поводу подобных примеров Л. А. Булаховский высказывал следующее предположение: «Хотя подобные обороты отчасти были известны уже древнерусскому языку, в который они были восприняты из церковнославянского, отразившего в свою очередь греческие конструкции, — в большинстве случаев подобные примеры.., по всей видимости — галлицизмы или, может быть, европеизмы (обороты, проникшие при прямом или косвенном влиянии латыни и под.)» [Булаховский 1954: 267]. Подобная структура является, по всей видимости, аппликацией оборота Acc. cum inf. и двойного винительного.

компрессию текста и позволяет иным образом, чем в виде подчинения придаточных частей, ввести в высказывание гипотаксические логические связи:

*Се ластовица щебетлива
Соглядаема всеми есть;
О птичка свойства особлива!
Ты о весне даешь нам весть,
Как, вокруг жилищ паря поспешно,
Ту воспеваешь толь утешно:
Мы, дом слепляющу себе,
Из кру́пин, не в един слой, глиники
И пролагающу былинки,
В восторге зрим, дивясь тебе. (356)*

Абсолютные обособленные обороты, усвоенные русскими писателями под влиянием прежде всего французских образцов, у обвинявшегося не раз в «галломании» Тредиаковского являются, между тем, маргинальными: *Твои и от твоих неложно, Ax! потщися, дело возможно, Престань, всех нас радость, рыдати* (138); *Очи с плача помутились, От врагов весь сокрушен...* (185). Синтаксический «беспорядок», вносимый в линейную синтагматическую цепочку подобными компонентами, помогает, между прочим, моделировать в поэзии ассоциативные сближения, «поток сознания», внутреннюю речь, часто лишенные полноты и грамматической координации.

Интересно, что написанные на французском стихи молодого Тредиаковского в синтаксическом плане выглядят гораздо более легкими и изящными, чем русские их аналоги (так, В. И. Тюпа отмечает, что в сравнении с заглавием «Баллад о том, что любовь без заплаты не бывает от женска пола» «по-французски у самого Тредиаковского эта мысль звучит много изящнее: *Jamais sans prix on ne reste en amour*» [Тюпа 2006: 159]): обретение «славенороссийским» языком необходимой для построения поэтического шедевра гибкости совершалось трудно и постепенно, о чем свидетельствует и эволюция слога Тредиаковского. По мнению Е. Г. Эткинда, по этим текстам можно судить, «насколько техника французского стиха была в 1730 г. полнее и тоньше разработана, насколько в ту пору русский поэтический язык по гибкости уступал французскому» [Эткинд 1973: 14].

Среди известнейших поэтов XVIII столетия (сравнение в «Синтаксическом словаре русской поэзии XVIII века» проводилось с девятью другими авторами — см. [Патроева (ред.) 2017: 56] Тредиаковский оказался

на первом месте по длине предложения. В одном из поздних поэтических творений «В крайностях терпение пользует», когда «трудолюбивый филолог» перешел с позиций демократизации поэтического слога на архаизаторские тенденции славянизации речи, мы находим предложение в 156 слов:

*O! вы, в которых боль по беспокойству духа,
Крушится ль кто из вас от ложна в людях слуха,
Тицеславный ли язвит и жалит где кого,
Прегрубый ли блюет всем зевом на него,
Безумный ли какой ругает безобразно,
От злобы стервенясь иной порочит разно,
Ничтожит ли давно, с презором, гордый ферм,
Чрез сильного ль бедняк несправедливо стерп,
По страсти ль чем тебя и нагло кто обидит,
Без всяких ли причин сверх меры ненавидит,
Иль предпочтен тебе в способности другой,
Или врагом восстал нечаянно друг твой,
Иль ухищренный льстец копает ров лукавно,
На пагубе твоей возвысился б он славно,
Иль в очи, ни при ком, хвалить не престает,
Кой за глаза в хулах, при всех, не устает,
Иль, словом, страждеть кто из вас навет поносный,
И так, что жизни век затем ему не сносный,
А нельзя пременить и от того уйти,
Ни способа отнюдь к спасению найти,
Послушайте, что вам Гораций предлагает,
Да более дух ваш не преизнемогает. (355–356)*

При этом интересно совмещение разговорных элементов (вводно-модальных слов) и книжных синтаксических черт (высокое обращение, начинающееся с *O! вы...*, императивно-целевое придаточное с *Да* и атрибутивное с устаревающим *Кой*), соседство стилистически разнящихся причастия *ухищренный* и деепричастия *стервенясь* (355–356).

В зрелые годы реформатор российского стиха в ходе переделки своих силлабических произведений в опыты с хореем существенно изменял синтаксическую организацию первоначальных редакций. Церковнославянские грамматические образцы соседствуют у зрелого Тредиаковского с такими пробивающими себе все более уверенно дорогу устно-разговорными чертами лирического дискурса, как эллиптичность (*Часть в подарок сродникам, часть брату; Благодетель ту б взял, говорит; Ту несите*

куму; ту часть свату... (193) — только один из многих примеров), «повышенная» субъективная модаляция и сегментация высказывания, воспроизводящие перебивы спонтанного потока живой речи. Одним из первых в русской поэзии В. Тредиаковский, начинает использовать построения с именительным «представления» (в терминах А. М. Пешковского), но-минативные ряды, а также вставные и присоединительные конструкции, например:

*Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нём всякому любезно. (180)*

Жизнь? но не ста лет дольше. (78)

*Авзонских стран Венеция, и Рим,
Бог — истинны его дела
И все пути его, суд правый, —
Бог верен, а неправда зла... (186)*

Итак, синтаксис В. К. Тредиаковского с течением времени не столько упрощается, сколько трансформируется, подстраиваясь под новые версификационные условия, жанрово-стилевые каноны и требование эпохи отразить все усложняющийся внутренний мир индивида. Тредиаковский-реформатор наметил, заложил многие лишь зарождавшиеся тогда в российской словесности тенденции в области лирической коммуникации: изящное построение фразы на основе бессоюзия и эллипсиса, повтора и параллелизма, усиление диалогизма, моделирование живой устной и внутренней речи субъекта, проложив тем самым дорогу будущим поэтам-экспериментаторам. Установка Тредиаковского в области синтаксиса оказалась не столько нормализаторской (как у Ломоносова), сколько именно новаторской и экспериментаторской (в этом Тредиаковский близок Кантемиру).

Источники

Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века: фонетика, морфология, ударение, синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.

Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. С. 11–137.

Таблица 1. Структурная типология предложений в русской поэзии XVIII века

Table 1. Structural typology of sentences in Russian poetry of the 18th century

Тип предложения	Автор		
	Кантемир	Тредиаковский	Ломоносов
Неосложненные простые двусоставные предложения	80 (9,7%)	114 (19,2%)	437 (19,92%)
Неосложненные простые односоставные предложения	22 (2,7%)	17 (2,9%)	57 (2,6%)
Осложненные простые двусоставные предложения	45 (5,4%)	55 (9,3%)	271 (12,35%)
Осложненные простые односоставные предложения	23 (2,8%)	22 (3,7%)	65 (2,96%)
Бинарные сложносочиненные предложения	19 (2,3%)	19 (3,2%)	88 (4,01%)
Бинарные сложноподчиненные предложения	96 (11,6%)	57 (9,6%)	345 (15,72%)
Бинарные бессоюзные сложные предложения	71 (8,6%)	67 (11,3%)	262 (11,94%)
Многокомпонентные сложно-сочиненные предложения	6 (0,7%)	4 (0,7%)	2 (0,09%)
Многокомпонентные сложно-подчиненные предложения	76 (9,2%)	16 (2,7%)	82 (3,74%)
Многокомпонентные бессоюзные предложения	35 (4,2%)	65 (11%)	106 (4,83%)
Многокомпонентные предложения с сочинением и подчинением	73 (8,8%)	34 (5,7%)	102 (4,65%)
Многокомпонентные предложения с сочинением и бессоюзием	24 (2,9%)	27 (4,6%)	64 (2,92%)
Многокомпонентные предложения с подчинением и бессоюзием	146 (17,6%)	51 (8,6%)	199 (9,07%)
Многокомпонентные предложения с сочинением, подчинением и бессоюзием	109 (13,2%)	44 (7,4%)	56 (2,55%)
Фразеологизированные предложения	0 (0%)	0 (0%)	1 (0,05%)
Нечленимые предложения	3 (0,4%)	1 (0,2%)	57 (2,6%)
Всего	828 (100%)	593 (100%)	2194 (100%)

Кантемир А. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. 547 с.

Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX века: Пути становления современной нормы. М.: Наука, 1969. 231 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 8. М.; Л.: АН СССР, 1959. 863 с.

Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1772. 128 с.

Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л.: Советский писатель, 1963. 577 с.

Литература

Акимова Г. Н. Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: очерки / отв. ред. С. В. Вяткина, Д. В. Руднев. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 13–291.

Акимова Э. Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.). Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2006. 240 с.

Борковский В. И. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М.: Наука, 1978. 448 с.

Бухаркин П. Е. Риторика и история литературного языка // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 47–53.

Григорьев В. П. (ред.). Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990. 304 с.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки рус. Культуры», 1996. 590 с.

Красильникова Е. В. (отв. ред.). Поэтическая грамматика. Т. 1. М.: Азбуковник, 2005. 429 с.

Патроева Н. В. (ред.). Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: в 4 т. Т. 1: Кантемир, Тредиаковский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 576 с.; Т. 2: Ломоносов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. 608 с.

Патроева Н. В. Синтаксическая организация стихотворных сочинений А. Д. Кантемира // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2021. Т. 23, № 3. С. 131–152.

Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // А. С. Пушкин об искусстве: в 2 т. Т. 1 / сост., предисл. и comment. А. А. Вишневского. М.: Искусство, 1990. 363 с.

Тюпа В. И. Французская силлабика В. К. Тредиаковского и силлабо-тоническая реформа русского стиха // Новый филологический вестник. 2006. № 1 (2). С. 157–161.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 215 с.

Эткинд Е. Г. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 248 с.

References

- Akimova E. N. *Realizatsiya kategorii obuslovленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII vv.)* [Implementation of the category of conditionality in the language of written monuments of the Russian Middle Ages (11th–17th centuries)]. Saransk, Publ. House of the Mordovian Univ., 2006. 240 p.
- Akimova G. N. [Essays on the syntax of M. V. Lomonosov's language]. *Grammatika i stilistika russkogo jazyka v sinkhronii i diakhronii: ocherki* [Grammar and stylistics of the Russian language in synchronicity and diachrony: essays]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State Univ. Publ. 2012, pp. 13–291. (In Russ.)
- Borkovsky V. I. (ed.). *Istoricheskaya grammatika russkogo jazyka. Sintaksis. Prostoe predlozhenie* [Historical grammar of the Russian language. Syntax. A simple sentence]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 448 p.
- Bukharkin P. E. [Rhetoric and the history of literary language]. *Mir russkogo slova*, 2017, no. 1, pp. 47–53. (In Russ.)
- Etkind E. G. *Russkie poety-perevodchiki ot Trediakovskogo do Pushkina* [Russian poets-translators from Trediakovsky to Pushkin]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 248 p.
- Grigor'ev V. P. (ed.). *Ocherki istorii jazyka russkoj poezii XX veka. Poeticheskii jazyk i idiosistol': Obshchie voprosy. Zvukovaya organizatsiya teksta* [Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century. Poetic language and idiosyncrasy: General issues. Sound organization of text]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 304 p.
- Krasil'nikova E. V. (ed.). *Poeticheskaya grammatika. T. 1* [Poetic grammar. Vol. 1]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2005. 429 p.
- Patroeva N. V. (ed.). *Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka: v 4 t.* [Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the 18th century: in 4 vols.]. Vol. 1: Kantemir, Trediakovsky. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017. 576 p.; Vol. 2: Lomonosov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2019. 608 p.
- Patroeva N. V. [Syntactic organization of A. D. Kantemir's poetic works]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 131–152. (In Russ.)
- Pushkin A. S. [Journey from Moscow to St. Petersburg]. *A. S. Pushkin ob iskusstve: v 2 t.* T. 1 [A. S. Pushkin on Art: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990, 363 p.

- Tyupa V. I. [French syllabic V. K. Trediakovsky and the syllabic-tonic reform of Russian verse]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2006, no. 1 (2), pp. 157–161. (In Russ.)
- Uspenskii B. A. *Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII – nachala XIX veka. Yazykovaya programma Karamzina i ee istoricheskie korni.* [From the history of the Russian literary language of the 18th – early 19th century. Karamzin's language program and its historical roots]. Moscow, Publ. House of Moscow Univ., 1985. 215 p.
- Zhivotov V. M. *Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka* [Language and Culture in Russia of the 18th century]. Moscow, Shkola "Yazyki Russkoi kul'tury" Publ., 1996. 590 p.